

ГОТОВЫ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ!
(О герценовских студентах 1930-х годов)

Удивительно, как живучи привычки, как устойчивы традиции! В 1933 г. приемная комиссия института размещалась в том же шестом корпусе, что и теперь. У дверей ее с утра до вечера стояла очередь, продвигающаяся вперед медленно и тоскливо.

Но в толпе сегодняшних абитуриентов увидишь юношей и девушек примерно одного и того же возраста, с биографиями короткими и почти похожими; конечно, нервничают, но гораздо более тревожатся об их судьбах папаша и мамаша, готовые любым способом подействовать успехам своих чад... Тогда я не замечал ни мамаш, ни папаш. В очереди стояли люди большей частью в зрелых годах. Одеты были все по-разному: кто — в городском костюме, кто — в рубашке с деревенской вышивкой, кто — в красноармейской гимнастерке. Девушки тоже не претендовали на моду — берет или вязаный платочек вполне удовлетворяли их вкусы. В очереди стояли и бывшие учителя, заводские рабочие, колхозники. Мне, только-только вышедшему из стен школы, впервые оставившему родительский дом, стало даже страшно: «Куда же я сунулся? Разве могу тягаться с такими конкурентами?» Сначала нужно было выяснить: допущен ли к экзамену, а потом, получив экзаменационный листок, сдавать экзамены. Экзаменационный билет мне, как опоздавшему к началу испытаний, вручили 25 августа. Я обязан был сдать в два — три дня целых пять экзаменов: по литературе, обществоведению, химии, физике и математике. (Я поступал на литературный факультет!). На литературный факультет был в те годы большой наплыв. Много мест было занято рабфаковцами, имевшими преимущество выбора. В списках зачисленных на лито [литературное отделение. — Ред.] я себя не нашел.

Прочел другие списки и, к величайшему замешательству, обнаружил свою фамилию среди принятых на инфак.

Узнав, что меня зачислили не на литературный факультет, а на ино [иностранное отделение. — Ред.], я почувствовал себя оскорбленным в самых лучших чувствах. Трудно описать наше негодование и возмущение: «Что это, над нами смеются? Гувернеров или “божьих старушек” из нас сделать собираются? Не пойдём!»

Иностранный факультет был самый маленький в институте, на нем занимались всего человек полтора, однако именно он страдал от недобора. Сюда посылали тех, кто не попал на литфак, истфак, педфак, физмат и пр.

Сейчас наша реакция может показаться не совсем понятной, как удивит и сама неавторитетность факультета иностранных языков. А в те годы, когда я сказал своему товарищу, что меня зачислили на английское отделение иностранного факультета, он с минуту смотрел на меня оценивающим взглядом: все ли в порядке с моими умственными способностями?

Со своим приятелем, которого постигла та же участь (с Лопаревым)¹, мы держали совет. Порешили: документы забрать и идти в другой вуз. Кто-то нам сказал, что гораздо легче поступить на литфак областного педагогического института им. Покровского. На Малой Посадской нас встретили чуть ли не с объятиями: «Экзамен сдали в Герценовском? Возьмем вас на литфак и вообще на любой факультет. Давайте документы!» Бумаги наши, положенные на стол, тотчас скрылись в ящике письменного стола. Такая оперативность всполошила нас, и уже за дверью кабинета в наши души стало заползать сомнение: а не сваяли ли мы дурака?

Наше сомнение разрешило одно, с виду совершенно незначительное обстоятельство. Как мало думают хозяйственники о том, что и они создают авторитет вузу! Мы остановились у окна и увидели квадратный двор института. Шел мелкий осенний дождь, а под дождем, на дворе, мокла целая пирамида разноцветных матрацев, тумбочек и железных

*Автор предлагаемых читателю воспоминаний Константин Константинович Грищинский (1915–1990) — выпускник ЛГПИ им. А. И. Герцена 1938 г. Участник Великой Отечественной войны. С 1963 г. — заведующий высшими педагогическими курсами, с 1977 по 1983 г. — заведующий музеем истории ЛГПИ им. А. И. Герцена. Член Союза писателей СССР, автор книг и статей о войне: «Ораниенбаумский плацдарм», «Гангут 1941», «Герои рядом с нами» и др.

Рукопись хранится в фонде музея истории РГПУ им. А. И. Герцена.

коек — совершенно очевидная принадлежность студенческого общежития. Там было по меньшей мере сотни две-три одних только матрацев. Одновременно нам пришла одна и та же мысль. «Знаешь, Коля, — сказал я, — идем на ино». Он согласился.

В приемной комиссии Герценовского Т. П. Наумов², пожалев нас, принял документы обратно.

В те годы внимание к вопросам дисциплины было исключительно высокое. Прогул на фабрике и прогул в институте считались деяниями почти что равноценными. Спуска в этом не было. Стоило нам опоздать к началу учебного года, как нас тотчас же вызывали на разбор: староста, комсорг и профорг. Они предлагали даже просить деканат исключить нас из числа студентов. И все же со словами «деканат» в нашем представлении не возникал образ грозного, придирчивого начальства. Деканы были людьми, которых мы чрезвычайно уважали за их деликатность и обходительность. Просто было неудобно досаждать им своей несерьезностью. Первый из них, на моей памяти, — профессор советской литературы Я. А. Назаренко³, второй — Н. Ф. Янцен⁴, третий — Б. А. Кржевский⁵.

Крупнейший знаток романской литературы, прекрасный испанист, Борис Апполонович Кржевский являл собой пример человека очень большой внутренней и внешней культуры. Беседа с деканом — это уже была честь для студента. Руководитель факультета никогда не мог снизойти до мелкого «распекательства». Он учил нас всем своим поведением, что значит быть вежливым, тактичным, предупредительным. Одним словом, интеллигентности.

Большинство студентов тех лет проживало в общежитиях, их было четыре. В общежитии жили посланцы многих народов страны. Здесь можно было познать разноплеменные привычки и обычаи, сблизиться. Преодолеть рамки факультетской разобщенности.

В год «первокурсничества» нам выпали на долю бесчисленные неудобства явно некомфортабельного быта. Но что с того! Об этом общежитии, носившем порядковый номер «четыре», на всю жизнь остались воспоминания самые трепетные, неизгладимые. [К. К. Грищинский проживал в общежитии, которое находилось в 1-м корпусе. — *Ред.*] Теперь это общежитие осталось легендой. А находилось оно на месте второго этажа первого корпуса. В огромных квадратных аудиториях по правую и левую стороны этого коридора жили студенты. Ни кухни, ни газа, ни душевой, ни даже рабочей комнаты в нашем распоряжении не имелось. Зато в каждой аудитории обитало до полутора десятка человек. Посредине каждой из них стоял пятиметровый длинный стол — наследие бывшего воспитательного дома. Кроме тумбочек и дряхлых стульев, иной мебели здесь не было.

Проникнуть в общежитие да в нашу столовую можно было только из второго корпуса. Узкий, освещенный тусклыми лампочками полуподвальный проход шел из второго корпуса в первый. Рядом с аркой, направленной в сторону сада, и по сей день есть малозаметная дверь, перед ней еще была пристройка — небольшой деревянный тамбур. У входа была устроена вахта. Охранники-старика дежурили круглые сутки. А рядом, в холодной камере, были полуголодные овчарки и дворняги. Днем их держали взаперти, а ночью выпускали. Собаки в поисках пищи бегали по коридорам и лестницам, охраняя тем самым кафедры и деканаты от возможного проникновения нечистых рук.

Собаки обретали свободу в полночь. Беда студенту, если он приходил в общежитие позднее. Стучишь в окно сторожки и не достучишься. Кряхтя встает со своего ложа недозвольный сторож-старик и, помяная всех святых, открывает скрипучую дверь. Свистком собирает разбежавшихся собак, придерживает их за ошейник и напутствует: «Ну, беги, малец! Смотри, чтоб успел... Злые ведь...» Что есть духу бежишь по темным катакомбам в сторону столовой. Благо, каждый выступ и поворот знакомы. Одного боишься: как бы не упасть, потеряешь время. Едва успеваешь захлопнуть дверь, как на нее с противоположной стороны с разбега ударяются лапами визжащие от огорчения неистовые барбосы...

В памяти возникает еще одна картина. Идет по коридору общежития всё увеличивающаяся в размерах ватага студентов-парней. Ее возглавляет студент с физмата Свитин. Длинный, костистый, но очень крепкий это был человек. Лицо его, изрытое оспинками, было некрасивым, но в то же время удивительно добрым, располагающим. Едва ли кто был в институте, кто не знал Свитина, хотя бы уже потому, что в драмколлективе клуба он был первым активистом. Его режиссер в одноименной комедии Н. В. Гоголя был бесподобен. Так вот этот Свитин был еще великим мастером на подряды. Его выдумка была неистощима.

«Ребята, кто на разгрузку? — заглядывал он в приоткрытую дверь комнаты. — Идем на дрова. Собирайтесь — по паре рублей заработаем!» Наша комната шла. На Фонтанке, от Невского до самого цирка, по той стороне, где ныне филиал Публичной библиотеки, была мощеная булыжником набережная с редкими, тускло светившимися фонарями. Вся эта набережная представляла собой грандиозный склад дров. К гранитному берегу реки причаливали баржи, груженные осиновыми, ольховыми и березовыми плахами. Вот эти баржи студенты и разгружали. Деньги выдавались грузчикам наличными. Мы шли в общежитие мокрые, уставшие, но с горделивым чувством, что в кармане не простые рубли, а соленые, добытые своим физическим трудом. Как у Горького!

Работали и на овощных складах, на элеваторе и др. То обстоятельство, что под общежитием в одном и том же корпусе находились столовая, парикмахерская, газетный киоск и еще какие-то вспомогательные заведения, заметно скрашивало неприглядное существование. Некоторые студенты, не имевшие пальто, умудрялись всю зиму обходиться без него.

До ликвидации карточной системы в 1935 году мы питались в своей «закрытой» студенческой столовой. В обмен на сданную продуктовую карточку и на большую часть стипендии нам ежемесячно выдавали рационную книжку. На день — три талона: «завтрак», «обед», «ужин». Ни буфета, ни кофейной, ни залов для разных категорий посетителей, конечно, не было. Бери из ящика ложку и вилку, становись в общий хвост. В окне раздачи получай свою кашу, хлеб, чашку с насыпанной в нее ложечкой сахара, наливай из бачка чай и садись за стол. Часто бывали такие случаи: поставив свою тарелку на стол, студент пойдет за ложкой. А по возвращении застанет за столом жадно уплетающего его ужин «дяденьку». По этому поводу автор статьи «Положить конец воровству в столовой» пишет: «К чему же, спрашивается, существуют пропуска в столовую? Для чего торчит у двери человек? Следит, чтобы студент не унес ложку? А когда у студентов уносят портфели, шляпки и поедают их ужин, этого не замечают ни служащие, ни администрация столовой». Однако питание студентов в тот период улучшилось: в столовой разнообразнее стало меню и всех студентов бесперебойно снабжали молоком. Хорошим подспорьем для питания студентов служило и подсобное хозяйство в деревне Каменка, где выращивались свиньи. За счет этого столовая обеспечивала студентов мясом.

Администрация столовой, крайне озабоченная сохранением приборов и посуды, придумала оригинальный способ ставить свой «фирменный знак»: у всех фаянсовых чашек были отбиты ручки, на алюминиевых ложках и вилках вырублена специальная надпись «Украдено в столовой № 6». Периодически в нашем общежитии совершался обход, и все чашки без ручек и ложки со штампом эвакуировались по назначению.

Все корпуса институтского городка на Мойке не имели тогда центрального отопления. И ректорат, и учебные помещения, и общежития обогревались печами. Дров требовалась уйма. Все лето возчики их доставляли на лошадях, перед третьим корпусом постепенно вырастали бесконечные штабеля древесины, но даже и этого огромного количества топлива было институту мало. Соблюдалась строгая экономия. Отопление корпусов начиналось не ранее конца ноября, а до этого времени, как ни зябли, печи не протапливались. Приходилось сидеть на лекциях в пальто. А в общежитии, ложась спать, наваливали на себя сверх одеял всю одежду. Иногда решались погреться. Тогда совершалась вылазка и приходилось красть дрова.

В институтском клубе ежедневно играл студенческий джаз-оркестр, и мы все поголовно учились танцевать — кто в специальной школе, а кто самоучкой. Просто удивительно, как сочеталось это несколько наивное увлечение модными танцами с походами на разгрузку барж, жаркими речами на комсомольских собраниях, настойчивым желанием «сдать» на «Ворошиловского стрелка».

Едва ли о каком-либо студенческом клубе писалось столько, сколько написано о нашем. Кто-то очень правильно сказал, что это — второй институт. И вправду было так...

В тридцатые годы, когда территория институтского двора была покрыта не асфальтом, а булыжником, вход в помещение клуба был довольно неказистым. Расшатанная дверь, за ней крутая, с железными перилами «черная лестница», посередине — головокружительный пустой пролет. Сегодня об этом ничего не напоминает. Над внешним входом тускло светилась стеклянная вывеска: «Кино». На третьем этаже, над самым клубом, раз-

мещалось студенческое общежитие. Все, кто обитал в нем, вероятно, считались самыми активными участниками клубных мероприятий.

Желающих попасть в клуб было очень много, причем не только из числа студентов, но и окрестностей. В клубе «крутили» почти каждый день кинокартины, устраивали непрерывные танцевальные вечера, сопровождаемые джаз-оркестром, кроме того, в клубном буфете в изобилии пребывали не только минеральные воды, но и пиво «Русское».

Заведовал в те годы клубом Анатолий Сонин. Он был студентом четвертого курса литфака и работал здесь по совместительству. Несмотря на свой болезненный вид, обладал необыкновенной энергией. Джаз, духовой оркестр, танцевальная школа, кино, драматический коллектив, университет культуры, кружок стенографии, тир, аттракционы, новогодние костюмированные балы, маскарады — чем только не занимался завклубом! При клубе был совет, в который входили такие же одержимые его товарищи.

Запомнились спектакли, поставленные студенческой драматической группой: «Коварство и любовь», «Овод». А «Тартюф» можно было смело отнести к профессиональному спектаклю. Да разве забудешь отличные новогодние вечера в Колонном зале (Голубой зал был закрыт). Тогда стулья легко убирались, и зал быстро наполнялся людьми. Какими чудесными были вечера-маскарады! Должно быть, целое костюмированное ателье проката рядом с Казанским собором опустошалось нашими студентами, лишь только объявлялось об очередном вечере.

Последний вечер, участником которого я был, был вечер в июне 1937, посвященный выпуску. Чтобы принять всех оканчивающих, дирекция и клуб пошли на немалые затраты. Снято было помещение Павловского курзала. Стоит ли говорить о том, что это действительно оказалось незабываемая, праздничная ночь!

Если разобраться, чем жили мы в те годы, то нужно честно сказать, что жили мечтой. Молодежь есть молодежь. Нам хотелось и танцевать, и любить, страдать. Были не прочь и выпить после удачно сданного экзамена. Планировали свои студенческие доходы, чтобы купить в «Гостином» обновку. Страстно мечтали о будущей работе.

Приятно вспомнить и тех, кто, будучи старше, приучал меня к боевой комсомольской работе, воспитывал непримиримость к недостаткам, учил быть принципиальным. Все события обсуждались тогда на комсомольских собраниях, а поскольку места всем не хватало, приходилось собираться в мраморном зале Этнографического музея. И собрания эти проходили не для галочки, а это была подлинная школа молодых коммунистов. Никогда не было таких жарких собраний, как в 1935 году. Комсомольцы строго просматривали свои ряды, ни один проступок, будь то пропуск занятий, отлынивание от общественной работы, не оставался в тени. Бдительность была необходима. Это подтверждало время. Но беда была в другом — находились перестраховщики и перегибщики. Из самых лучших побуждений часто рубились под корень судьбы настоящих, преданных делу парней. Из лексикона сегодняшнего дня исчез целый ряд выражений. К примеру, слово «лишенец». Оно означало человека, лишённого избирательных прав. Кто лишался прав? Кулаки, попы, нэпманы, всякие «бывшие». Детей «бывших» в институт не принимали. Но отпрыски «лишенцев» не хотели мириться с такой перспективой. Многие из них умудрялись доставать липовые справки и поступали в вуз. В 1935 году проходила «генеральная чистка» всех студенческих дел. На места высылались запросы и выяснялась подделка документов.

Сегодня, глядя назад, все ясно, а тогда... Мы шагали в будущее непроторенными дорогами. Сегодня даже не представить себе, как мы тогда ликовали, когда комендант объявлял, что для набивки матрацев привезли свежую солому. Белья постельного не было и в помине.

Среди студентов тех лет почти не было равнодушных. Были споры, несогласия, ошибки и заблуждения, но так, чтобы плыть по волнам, таких примеров среди нас не было. В тот год, когда мы держали экзамены в институт, к власти пришел германский фашизм. А кто не понимал, что фашизм — война!

И вот тревожные события, одно за другим: разгром компартии, созданной Либкнехтом и Тельманом, поджог рейхстага и грязный процесс против Димитрова, захват гитлеровцами рейнской демилитаризованной зоны и первые костры из книг, еврейские погромы и истеричные речи фюрера...

Поэтому к военному обучению все относились спокойно. Как-то получалось, что если не занимаешься оборонной работой, то грош тебе цена как комсомольцу и студенту. Значок «Будь готов к труду и обороне» был таким почетным, что на обладателя смотрели как на орденосца.

В институте было два больших тира. Один находился в подвальном помещении, второй — на чердаке. Каждый вечер под сводами нижнего и верхнего тиров раздавались резкие хлопки выстрелов. Студенты-осоавиахимовцы под руководством инструкторов терпеливо отрабатывали технику стрельбы из малокалиберных винтовок.

Чтобы стать «Ворошиловским стрелком», надо было извести не один десяток патронов и основательно потренироваться в наводке. Со специальной вышки начиналась и учеба парашютному спорту. Ринуться вниз с вышки на парашюте должен был уметь каждый студент без исключения. Поэтому парашютных вышек существовало в городе не менее, чем полдесятка.

«Студент, на самолет!» — так была озаглавлена полоса нашей газеты, в которой рассказывалось о том, как идет учеба в Ленинградском аэроклубе.

С октября 1933 года в расписание наше, кроме обычных предметов, вошло и военное дело. Студенты наизусть изучали уставы, русскую трехлинейную винтовку, овладевали строем. Перед ноябрьскими праздниками студентам-мужчинам выдали стального цвета костюмы «юнг-штурм» с открытым воротом и сказали, что мы в рядах студенческого полка пройдем по площади Урицкого в составе военного парада. Наука эта оказалась нелегкой. Батальону герценовцев пришлось пролить немало пота, пока мы научились идти парадным строем, не ломая прямой линии развернутой шеренги. Зато получили право маршировать с ветеранами Октября. На трибуне тогда стоял С. М. Киров и приветствовал нас. Вероятно, наша форма сильно напоминала форму бойцов красного Веддинга, что трудно было отделаться от впечатления, будто по площади идут рабочие отряды антифашистов. Что делалось на трибунах! Иностранные гости поднялись со скамеек, вверх вздымались их крепко сжатые кулаки, громко гремело слово: «Рот-фронт!». Никогда в жизни я не испытывал такого подъема чувств, как в эти минуты марша мимо трибун у Зимнего.

Хорошая работа проводилась по линии профкома и клуба. Работали лектории — литературный, музыкальный и др. высококачественные, бесплатные и потому доступные для всех. Перед студентами с отличными лекциями выступали профессора Десницкий⁶, Медведев⁷, и др. Устраивались встречи с писателями и поэтами. Запомнился вечер стихов Н. Асеева, М. Светлова, И. Уткина. Уткин интересно рассказывал о своей жизни, а одет был так ярко, что в шутку студенты называли его Индюковым. Были и другие встречи — с Б. Лаврениевым, Н. Брауном и др. Нашим однокурсником был студент литературного факультета, хороший товарищ, поэт П. Шубин. Выступал с чтением своих стихов и он.

Павел Шубин являлся в те годы корреспондентом газеты «За большевистские кадры»⁸. Там он печатал свои стихи и фельетоны. Однажды под псевдонимом «Троглодит старший» («младшим» был один из его сокурсников) он написал фельетон «Придется дать выговор». В нем он живописал поход по общежитию № 1 комиссии, возглавляемой помдиректора Яковлевым⁹.

«...Толкнув дверь комнаты № 589, Яковлев решительно шагнул вперед. В комнате на грязном столе лежала внушительная куча окурков. Засиженные мухами лампочки почти не освещали комнаты. На подоконниках лежала пыль еще доисторического периода.

— Как же вы тут живете? — обратился Яковлев к взъерошенной фигуре.

— Так я же Жук! — весело ответила фигура. — Нам в навозе сподручно. И вообще, у нас даже староста, именуемый Карасем, привык и великолепно плавает...»

Студент Жук на следующий день после выхода газеты пришел в редакцию. Он был возмущен, что фельетонист отождествил его с навозным жуком. Редактор выслушал его внимательно, а потом сказал, чтоб тот уносил подобру-поздорову ноги, а то фельетонист бока намнет, чтоб не ходил жаловаться. Жук обратился в партком, но там разъяснили коротко: «На то и фельетон, чтобы смеялись, коли этого заслуживаешь».

Павел Шубин родился в Воронежском селе Чернавск, где, как он писал, «поезда бегут на Ливны». Умный, сильный и злой. Эти эпитеты как-то невольно приходят на ум, когда читаешь воспоминания о Павле Николаевиче. Вот он: бритая летом голова, большие надбровные дуги, волевая челюсть и взор — глубокий, словно сверлящий, испытывающий.

Жизнь не баловала Шубина, и был он, вероятно, на самом деле злым. Однако был злым Павел скорее внешне. В глубине души томились чистые и ясные чувства любви к товарищам, родному краю, институту, матери и отцу. В институт поступил не только для того, чтобы стать педагогом, а «для ликвидации недостатка культуры». В институте он увлекся еще и боксом, получил боксерский разряд и участвовал в соревнованиях на ринге. Шубин любил позлословить. Одним это нравилось, другим нет. Жук, высмеянный в фельетоне, отнюдь не был единственным и главным его недоброжелателем.

Пожалуй, самым яростным противником Шубина, как поэта, был Михаил Горелов, студент с физмата. Высокий, худой с растрепанными длинными волосами, Горелов обладал странностями: то до сумасшествия штудировал учебники по астрономии, то рассеянно бродил по коридору, то писал стихи. Однажды он принес в редакцию целую тетрадь своих стихов. Дали их прочитать Шубину, на рецензию. Павел, не стеснявшийся в выражениях, назвал гореловские стихи чушью. Оценка эта, видимо, докатилась до автора, и Горелов начал преследовать Шубина специально придуманными изречениями.

Твердый характер и отличная физическая закалка выдвинули Павла и в армии. Он оказался на редкость требовательным помкомвзвода, неумолимым службистом. Едва горн на вышке лагеря проигрывал сигнал «Вста-а-в-а-й!», как Шубин, носивший в петлицах три треугольничка, врывался в палатку. «Грыщинский! — рычал вбежавший в палатку Шубин. — А ну вылезай на физзарядку. Еще раз опоздаешь — получишь два наряда вне очереди!» Я вылезал в трусах, босиком и мчался бегом на плац, покрытый утренней росой. «Вот тебе и товарищ!» — мелькала смешанная с чувством обиды мысль.

Однако «гроза» быстро рассеивалась. Через пару часов, на стрельбище, в ожидании своей очереди я ложился за бугорком подремать. В такие минуты ко мне подходил Пашка и устраивался рядом. Обычно мы говорили о поэзии, читали друг другу стихи разных поэтов.

В суровую годину Великой Отечественной войны, находясь на Волховском фронте, Павел Шубин с большой теплотой вспоминал тех друзей и товарищей по институту, с кем бывало всякое: и радость, и споры, и общее горе. Он знал, что на полях сражений в 41-м полегло немало старых герценовских друзей.

Литературные вечера проходили довольно часто, т. к. в институте действовал литературный кружок. Одним из тех, кто помогал «расти» будущим поэтам и писателям, был А. Л. Дымшиц¹⁰, в то время аспирант, преподаватель. Вторым «маститым критиком» в редакции был Ростислав Закруткин. Страстный библиофил, он имел прекрасную библиотеку, и ему, единственному из студентов, дирекция института предоставила отдельную комнату в общежитии для размещения книг.

Ростислав Закруткин, жилистый и очень высокий, славился начитанностью, но еще больше — запальчивостью. Переговорить его было невозможно. Он выбрасывал тысячу слов в минуту, брызгая слюной. Но он был в то же самое время весьма интересным и одаренным человеком. Жизнь его оборвалась рано. После войны он работал заведующим кафедрой русской литературы в Калининградском педагогическом институте. Старший брат Ростислава, Виталий Закруткин, занимался в аспирантуре на литфаке. Он защитил диссертацию и получил назначение в Ростовский педагогический институт летом 1936 года. Как и младший брат, он сотрудничал с нашей газетой. Тогда Виталий особого интереса к писательскому труду не проявлял. Но вот в годы войны, став военным корреспондентом, написал увлекательную книгу «Кавказские записки» — точный и правдивый рассказ газетчика о том, что довелось ему увидеть и пережить на войне. А затем последовал целый ряд больших и многоплановых произведений, открывших нам широко известного писателя Виталия Закруткина.

Понятие времени растяжимо. Бывает, один день запечатлевается как яркая веха жизни, а то и наоборот, целый год бесследно исчезает в провалах памяти... Все зависит, вероятно, от обстоятельств, от возраста, от тех, с кем сводит вас судьба. Но самые запоминающиеся годы — студенческие. Куда бы ни заносили меня в последующее время житейские или служебные дела, мне нет-нет да и приходилось «находить» бывших герценовцев в самых порой неожиданных местах.

В жизни, как видно, мне посчастливилось: после ленинградской блокады, после участия в боях на Ораниенбаумском «пяточке» военная судьба занесла меня на другие фронты войны с фашистской Германией. Был я и на Западе, там, где тянули волюнку с открыти-

ем второго фронта наши союзники по антигитлеровской коалиции. И тогда, после немалого перерыва, пригодилось не только знание английского языка, но и то, к чему готовил нас, студентов тридцатых, замечательный вузовский коллектив. Мы были готовы к труду и обороне!

Примечания

1. Н. Т. Лопарев — выпускник 1938 г. Позже работал заведующим кафедрой иностранных языков в Высшей школе профсоюзов (г. Москва).
2. Т. П. Наумов — выпускник исторического факультета 1937 г. В те годы — секретарь комитета ВЛКСМ.
3. Я. А. Назаренко (1893—?) — профессор. Работал в ЛГПИ с 1933 по 1935 г. (зав. иностранным отделением, профессор кафедры литературы).
4. Н. Ф. Янцен (1901–1972) — профессор. Работал в ЛГПИ с 1929 по 1936 г. (декан факультета иностранных языков, заведующий кафедрой философии).
5. Б. А. Кржевский (1887–1954) — профессор, действительный член Государственной академии искусствознания. Работал в ЛГПИ в 1921, 1935–1937, 1946–1948 г. (профессор кафедры истории французской, немецкой и английской литературы, декан факультета иностранных языков, зав. кафедрой французского языка, профессор кафедры зарубежной литературы).
6. В. А. Десницкий (1878–1958) — профессор, заслуженный деятель науки РФ. Работал в ЛГПИ с 1918 по 1958 г. (профессор кафедры русской литературы, заведующий этой кафедрой, проректор по учебной работе, декан факультета русского языка и литературы).
7. П. Н. Медведев (1891–1938) — профессор. Работал в ЛГПИ с 1928 по 1936 г. (профессор кафедры литературоведения и всеобщей литературы, кафедры советской литературы).
8. Так называлась в те годы газета «Педагогические вести».
9. А. И. Яковлев (1903 — погиб в 1941) — помощник директора института.
10. А. Л. Дымшиц (1910–1975) — профессор. В ЛГПИ работал с 1935 по 1941 г., с 1953 по 1956 г. (на кафедрах всеобщей литературы, русской литературы).